

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: ТРАНСЛЯЦИЯ ИДЕЙ

Многовековые христианские традиции хранят произведенное человеческим интеллектом знание о мистическом единении с божественным. Христианство, противопоставляя временное и вечное, заявляет о возможном пути подъема земного бытия до Божественной вечности. Преображение реальности возникает при стремлении оставить земное, проникнуть в иной мир вечного Божественного. В православии изначально заложено подобное желание «вознесись на небеса и узреть Бога», свойственное человеку, оставившему земные помыслы и обратившемуся всецело к области чистого духа.

В русской традиции стремление к воссоединению с Божественным означало погружение в трансцендентную реальность Царствия, в вечность с ее материально-человеческим ликом, что является распространением на Руси традиции теоретического исихазма, восходящей, в свою очередь, к языческому неоплатонизму. Г.М. Прохоров пишет: «Усвоение на Руси исихазма было скорее практическим, а в общественно-идеологической сфере заключалось в проникновении новых идей и понятий (например, понятий «мысленного рая» и «мысленного солнца правды»), в создании новой «общественной самоочевидности», нового стиля духовно-культурной жизни» [Прохоров Г.М. Исихазм и общественная мысль. // Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи. СПб., 2000. С. 94]. Мировоззрение исихастов тесно сопряжено с учением византийского неоплатонизма, представителями которого являются Псевдо-Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник, Филипп Пустынник. Византийский неоплатонизм уходит своими корнями в языческий неоплатонизм – последняя школа античной философии (III – VI вв. н.э.), идеи которого сыграли значительную роль в философской мысли средневековья. На основе синтеза Платона с Аристотелем Плотин и его последователи разрабатывали учение о временном и вечном.

Диалектика времени и вечности дана Платоном в его диалоге «Тимей», где он

описывает два уровня бытия: ум и материю, организованную по законам этого вечного ума посредством идей. Если материю взять в ее завершении, тогда она становится подвижным образом ума, который вечен и неподвижен. В таком случае ум окажется неподвижным образом времени, а время – подвижным образом вечности. Время и вечность диалектически объединяются: они различны и тождественны.

Чистый Ум, включающий в себя любое свое возможное становление – становящийся Ум – это Душа. Субстанция Души – живое существо. Все существует в живом космосе. «Первые субстанции ... живые существа, в данном случае боги, и притом первичные боги, недоступные человеческим ощущениям; однако, наконец, и те субстанции, которые представляют собой осуществление первичной материи, и притом осуществление предельное, тоже есть живые существа и тоже боги, но уже такие, из которых состоит звездное небо, младшие боги, все еще вечные, бесконечно движущиеся в своем правильном круговом движении и доступные человеческим ощущениям» [Лосев А.Ф. Античная философия истории. СПб., 2001. С. 147]. Таким образом, становящийся Ум – это Душа, которая принадлежит всем субстанциям космоса, начиная с видимого неба и кончая земными существами, как единое и целое, общее и вечное совпадение вечности и времени.

Платон подчеркивает числовую природу времени по сравнению с вечностью, где все возможные числа существуют всегда вместе. Вечный и божественный Ум образует все временное и материальное. Время – это числовым образом оформленное становление, а числа, которыми измеряется становление, чтобы стать реальным временем, уже не являются ни становлением, ни временем, а чем-то вне времени. Платон создает учение о времени как вневременно исчисленном становлении. Позднее Плотин, подтверждая вневременность, говорит: «Ибо оно будет по величине таким, как оно есть, даже если его никто не измеряет» [Плотин. Эннеады, III, 7].

Затем непрерывное и сплошное становление фиксировали неоплатоники. Плотин развивает учение о чувственной материи, которая является вечным субстратом для всех чувственных вещей, вечно осуществляет чистые идеи, и, без всякого разделения и противопоставления, она является непрерывным континуумом в виде фона и фактической базы появления всех чувственных вещей. Первоединое – как высшее начало – и чувственный мир существуют, по Плотину, вечно. Бытийные зоны Плотина зависимы друг от друга, но вечны. Так, солнце вечно сохраняет всю полноту своего бытия, а от солнца происходит свет, который зависит от него, обращен к нему, но сияет отдельно от самого солнца. Вечностью является умпостигаемое бытие, неизменное, неподвижное, самотождественное. Вечность только «есть», она «покоится в Едином» [Там же. III, 7, 5]. Происхождение более низких степеней бытия от первоединого происходит по закону четкой

иерархичности этих степеней бытия. По отношению к Единому низшим является многое, которое неопределенно. Но, обращаясь к Единому, инаковость множества получает определение и становится бытием. В происхождении материального Сущего нет времени. Материя вечна, как и первоединое. А чувственный мир множества уже имеет временную характеристику становящегося бытия. Принцип становления как чистой и сплошной непрерывной текучести с необходимыми для нее революционными скачками был осознан в древнегреческой философии.

У Плотина фатально одушевлен каждый предмет материального мира, который протяжен в пространстве, длится во времени. Материя содержит в себе лишь малую часть порядка мира первообразного. И порядок событий чувственного мира – это подражание вечности. В этом и состоит совершенство материи, которая стремится войти в мир Единого. Природа – это душа; отпад от Единого, она, подражая Единому, создала чувственный мир, подражая вечности, – время как подвижный образ вечности. «Время есть жизнь души в некотором движении, а именно в переходе из одного состояния в другое» [Там же. III, 7, 11]. Земля и планеты движутся по кругу вечно, т.к. круговое движение наиболее совершенно – оно точнейший образ Ума – движение на одном и том же месте. Мир чувств – порождение мира мысли с помощью материи – должен двигаться по замкнутому кругу. Все индивидуальное, все личное и вообще все оформленное, то созидаясь, то разрушаясь, вечно возвращается к самому же себе, и от этого своего вечного круговращения оно ровно ничего не получает нового.

Движение неба только предвосхищает время, но не производит его. Плотин, повествуя о рождении времени, пишет: в вечном бытии «была некоторая природа, беспокойно-деятельная и стремящаяся господствовать над самой собой и принадлежать самой себе. Она хотела обрести больше, чем у нее было; так она пришла в движение, а вместе с ней в движение пришло время, и мы стали двигаться к всегда-будущему и позднейшему, то есть всегда к иному, а не к тождественному...» [Там же]. Определить время возможно только через вечность: «Только если познано то, что является образцом, можно уяснить и сущность образа» [Там же. III, 7, 1].

Идея вечного возвращения содержит принцип оценки всемирно-исторического процесса в целом, где имеют место рассуждения о смысле и направленности отдельных событий, а не об их причинном отношении к следующим. Поиск смысла событий трактует историческое развитие. Принцип оценки во всем – в историческом процессе в целом – лежит в основании мифа о переселении душ – классического мифа древних греков, который использовал реставратор старинной мифологии античности Платон. У Плотина вечное возвращение – это также миф для изображения судеб Души мира, т.е. ее жизни в душе земного человека. Единое нисходит в чувственный мир, где душа по своей природе – это обращение и в материальный мир, и в мир божественного Единого.

Античное понимание истории складывается по типу вечного круговращения небесного свода. Таким образом, природа становится моделью для истории. Для древнегреческих ученых предельным обобщением всех закономерностей природы был разум, так же, как боги представляют собой лишь принцип тех или иных отношений природы. Потому такое природное начало, как божественное установление, понималось античными людьми в качестве закона-Логоса, смысл которому придавал принцип оценки всех исторических событий в жизни человека.

Если история – это процесс общественного и общественно-личного развития, где отрезки такого развития трактуются в их постоянном становлении, то необходимо передавать как-либо опыт потомкам. Именно такое предание – миф о человеческой душе в условиях природного космоса – лежит в основе классической мифологии; отрезки такого становления и представляют собой исторический процесс как общественное развитие. В самом общем и непосредственно мифологическом виде идея вечного возвращения по отношению к человеку раскрывается в мифе о переселении душ, который формулируется так: люди, прожившие благородную жизнь на земле, отправляются в блаженные места, а людей, проводивших свою жизнь дурно, определяют в места наказаний, смерти и мучений. Более того, очищенная душа выбирает будущую человеческую жизнь, но в итоге забывает об этом, и так вечно, т.к. космос вечен. По Платону, человеческая жизнь по своей сути складывается из свободы и необходимости, диалектикой чего и является философское осмысление человеческой истории, трактующее необходимость как выбор души человека, данный ему природой.

Плотин верит в миф о бессмертии души. Душа – это высокое существо, принужденное находиться в мире обычных низких материй. И душа может подняться из чувственного мира, более того, душа земного человека должна рано или поздно достичь цели – возвратиться к первоначальной жизни, т.е. к той, где Душа находилась в тесной связи с Умом и созерцала идеи. Таков итог совершенно нравственной жизни человека, достигающийся путем очищения души – освобождения от телесного и возвышения до уровня божественного, где экстаз является последним состоянием перед погружением в божество, пред слиянием с неизреченным Первоединым.

Развитие платонических воззрений в античной философии истории не остановилось на трактовке подобной общей космической гармонии в мифе о перевоплощении душ. Неоплатоник Порфирий, ученик Плотина, объясняет, что при отделении тела от души положительная энергия «жизненного духа», (пневмы), расположенного между телом и душой человека, содействует акту единения с высшей областью. Однако у «дурных» людей позитивной энергии не хватает для восхождения души к высшей области Первоединого. Взгляды Порфирия традиционны для античности. Схема космической реинкарнации постулируется им с фаталистической неизбежностью и неотвратимостью. Новизна учения Порфирия

заключается в том, что он допускает возможность души не подвергнуться перевоплощению после телесной смерти.

Античной философии истории присущ астрономический тип философского осмысления истории. Однако древние греки четко фиксировали понятие человека как деятеля истории. Диалектика древнегреческих учений выражает фатальную зависимость индивида от стихий природы. А боги Древней Греции наделены качествами, которые могут быть присущи и человеку: «Божество, начиная чувствовать жалость к болезненному состоянию человека и космоса, близкому к полному хаосу, вновь восстанавливает правильное движение неба и исправляет преступные пути человеческой истории» [Лосев А.Ф. Античная философия истории. СПб., 2001. С. 149-150]. Платон в диалоге «Политик» фиксирует интерпретацию античного учения философии истории.

Специфика понимания Платоном истории выражена уже в самом названии диалога. А.Ф. Лосев убедительно доказывает, что название этого диалога не переводится как «политический деятель», а предусматривает перевод такого греческого термина, как «государство-город». Греческий полис – это минимальная историческая единица, которая содержит в себе все то, чем обладает всякий исторический процесс как начало точки исторического развития. Конструирующим принципом истории Платон видит политическую деятельность, причем данный род занятий отличен от всяких других, как то: производство, искусство, жречество, формирование типов государственного устройства и т.п. Политика, по Платону, – это умение властвовать над людьми, причем без рамок закона, т.е. отринув любые установления государственности.

Платон с помощью своего принципа конструкции истории разрабатывает диалектические этапы исторического развития. Это не реальная история Платона, но его теоретизирование с использованием диалектического метода свободы и необходимости над пятью формами государственного устройства, характеризующимися идеологией, а именно: аристократией как лучшей формой, тимократией как властью имущих, олигархией как властью, принадлежащей только определенным носителям некоторого имущественного ценза, демократией как властью индивидуальности и тиранией – властью индивидуального тирана над подчиняющейся ему массой рабов. У Платона тождество времени и вечности, присущее диалектике древнегреческих мифов, полагает тождество небесного свода с историческим процессом внутри небесного свода. Исторический процесс у Платона расшифровывается символом переплетения как искусством управлять людьми идеально, без сдерживающих и писаных законов.

Исходя, как и Платон, из разделения мира на божественный и чувственный, Плотин размышляет о том, как можно вывести из божественного единства – как из последнего основания всякого бытия – градацию всего остального, существующего в материальном мире, а также указать путь, обратно ведущий к

исходному единству. Такой подход Плотина обосновывает его представления об этом пути человеческой души. Таким образом, развивая платоническое учение, Плотин указывает на путь спасения человека, народа, общества. Хотя данная неоплатоническая интерпретация, несомненно, далека от трактовки религиозной практики в Ветхом Завете и христианстве.

В античной философии история подчиняется бесконечной текучести одушевленного космоса. История материального имеет место в космосе, где материя движется, постоянно возвращаясь к одному и тому же, т.е. древнегреческая мысль учит, что всякая прямая линия – всегда окружность, т.к. движение материальных небесных светил шарообразно. Природа фатально располагается над человеком. Слепые силы стихийной судьбы не зависят от человека, в свою очередь, он полностью зависим от ритмов природы. Каждая человеческая душа бессмертна, и, двигаясь в историческом процессе, душа постоянно возвращается к одному и тому же с необходимостью встретиться с выбором новой жизни, со свободным актом волеизъявления человека, который, однако, вскоре забывается человеком, в таком случае покорным необходимости. История интерпретируется в античной философии как жизнь общества по закону Логоса – божественного разума, а не по людским записанным законам, где единственной наградой за праведное и добродетельное поведение считается единение божественного разума и человеческой души в свете трехипостасной действительности: Единое, Ум и душа.

Подобные идеи языческого неоплатонизма проникли в православную средневековую Русь через сочинения византийских неоплатоников. Большой популярностью пользовался переведенный с греческого корпус сочинений, надписываемый именем Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника. В этом сочинении Псевдо-Дионисия Ареопагита, написанном примерно в V веке, усматриваются идейные и текстуальные совпадения с сочинениями язычников-неоплатоников, пишет Г.М. Прохоров [Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV – XV веков. Л. Наука, 1987. С. 8]. Псевдо-Дионисий Ареопагит находит, что душе без тела свойственна жизнь по окружности. Душа, отрешаясь от всего внешнего, входит в себя и становится однородной; тогда «она соединяется с уникально соединенными силами в их стремлении к Единому к Тожественному – самому-себе» [Там же. С. 20]. И это круговое движение души Дионисий называет лучшим. Другим видом движения души Ареопагит называет движение по спирали. Тогда душа освещается смешанными и переходными действиями – т.е. энергиями более низкого порядка с помощью слов. Третьим, последним видом движения души называется прямое движение. Душа устремляется к тому, что вокруг нее, чтобы после того от пестроты и многообразия внешних «знамений», символов-знаков снова возвратиться к простому и цельному «окружному» движению – созерцанию.

При разлучении с телом два последних вида движения становятся недоступными душе. Круговое движение души ведет ее к Богу; однако, душа желает быть, подобно самому Богу, «и там, и тут», т.е. в материальном и запредельном мире. Таким образом, Псевдо-Дионисий Ареопагит полагает истинной сутью человека быть в Вечности и в Настоящем. Стремясь к единому, к божественному бытию, душа постигает вечность, но остается творить настоящее в историческом времени. Тогда человек в истории – это творец настоящего, действительного в вечности.

Другим переводом с греческого как событием в литературной жизни славян XIV века, равным по значению с версией ареопагитского корпуса, был перевод произведения Филиппа Пустынника «Диоптра», написанного в XI веке. «Диоптра» («Душезрительное зеркало») была написана в диалогической форме как учебник мудрости и самопознания, причем развитие антропологических взглядов Филиппа Пустынника исходит от античного понимания человека. Его разговор «начитанной и просвещенной служанки Плоти с поучением своей простодушной и несколько наивной госпожи» [Там же. С. 60.] – это сократическая мудрость человеческого самопознания. Констатация двойственности человека присуща патристической литературе христианского ортодоксального учения. «Диоптра» Филиппа Пустынника, знакомого с древнегреческой философской мыслью Платона, Плотина, заимствует в переработанной форме достижения неоплатонизма (философского учения, утверждающего конечное слияние души с Единым Божественным), сочетая их с церковной догматикой своего времени. Согласно христианской традиции, время человеческой истории линейно. Движение времени осуществляется из вечности посредством грехопадения в прошлом через настоящее к будущему преобразению реальности как воссоединению с вечным.

Славянский перевод «Душезрительного зеркала» был сделан в третьей четверти XIV века. Переписывали «Диоптру» по XIX век включительно. Это сочинение являет собой форму диалога Души и Плоти. Диалог символизирует путь, который совершает человек, выпадая из земного и соприкоснувшись с вечным. Душа и Плоть, разбирая естественнонаучные вопросы, обращают свой взор к Истине, что не может не привести человека к духовному прозрению. Именно поэтому в «Диоптре» большое внимание уделяется Филиппом Пустынником освещению вопроса о движении людей в историческом времени от грехопадения до Страшного Суда. Сквозь антропологический срез рассматриваются вопросы выяснения причин, движущих сил и значения исторических событий.

Тело символизирует материальную сферу бытия человека. Именно посредством материальных действий человек познает мир, Священное Писание и святоотеческую литературу. Душа, символизирующая духовную область, вне

телесной оболочки не в состоянии совершить какие-либо действия. Тело, имея три части мозга, способно мыслить, воспринимать, запоминать, рассуждать при потреблении информации. Материальная область – это сфера познания. Душа как онтологическая характеристика бытия человека бессмертна и, согласно Филиппу Пустыннику, слепа. Тело, читающее библейские и патристические тексты, объясняет, как будет проходить воскресение из мертвых бессмертной души.

«Диоптра», или «Душезрительное зеркало», состоит из предваряющего основную диалогическую часть Плача как обращения к самому себе и, собственно, четырех частей разговора Души-госпожи и служанки-Плоти. Примечательно, что Плач был назван автором «Плачеве и рыдания инока грешна и странна, ими же спирашася к души своей». Это говорит о том, что телесное, грешное в своей оболочке, данной ему Богом, пытается преодолеть земное, обнаружить путь к духовному бытию, уйти от греховного состояния, вернуться к первоначальному человеку Адаму. Такое введение предваряет сообщения о движении человека в историческом времени к вечности. Жанр «Зеркала», к которому прибегает Филипп Монотроп, облегчает труднодоступные для восприятия вещи. «Диалог, который в «Диоптре» ведут Душа и Плоть похож на беседу мудрого и просвещенного советника (Плоть) с простодушным и эмоциональным правителем (Душа)» [Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI веков. М., 1984. С. 678 – 679].

«Диалог начинает Душа, уже многие «лета и времена, сопряженная с Плотью, но никогда прежде не спрашивавшая ее ни о чем «полезном», теперь же осознавшая свое «косненье» и захотевшая послушать «слова наказательные». Плоть охотно откликается и на краткие вопросы своей госпожи дает пространные эрудированные ответы» [Там же. С. 679]. Стремление к духовному в человеке пробуждается тогда, когда человек в истории находится как бы посередине, в центре между прошлым и будущим. Человек застывает в настоящем, история не продвигается вперед к будущему, о котором необходимо всегда помнить. Плотское начало, накопив приличный опыт посредством познания, может сдвинуть точку статичного настоящего к историческому завершению.

Бог создает человека «смешанным животным»: он принадлежит и невидимой, умопостигаемой сфере бытия, и видимой, материальной. «Душа, будучи невидимой, может быть познана только через деятельность, а возможность деятельности она имеет, лишь обладая телом» [Там же]. Филипп Пустынный пишет, что душа руководит плотью, именно духовный уровень человека отвечает за его поступки. Возможности человека на пути восхождения к Божественному не должны ограничиваться материальной сферой бытия, т.к. человек из всей земных творений Бога высший: «На земле нет никого выше человека».

Душа, по Филиппу Пустыннику, сама движется, всегда в бытии, наделена свойством вечного движения. В вечной жизни душа бесконечна и не имеет смысла. Тело, движимое вместе с душой, изменчиво, тленно, без духовности тело – ничто. Смысл существования души состоит в том, что Богом был создан весь мир именно ради нее.

Богом было создано два мира, вышний и нижний: вышнему принадлежит мысленное, нижнему – чувственное. Умственная часть природы человеческой души определяет человека, заботится о его спасении, т.е. открывает посредством знаний путь связи земного и божественного. Человека Филипп Монотроп называет «смешанным животным», т.е. доминирующим; он определяет смешанность, двойственность природы человека (душа наслаждается божественным, а тело – земным). Однако основным признаком этой двойственности Филипп Пустынник определяет животную, т.е. смертную земную сущность человека. Первозданный человек Адам зачал Каина, в котором сочеталось плотское и духовное. «Растут и те и другие и множатся вплоть до конца света» [Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI веков. М., 1984. С. 87].

Начало исторического времени в «Диоптре» принадлежит грехопадению человека. Змей-искуситель, говорящий: «Богамы станете тотчас, если вкусите от дерева», является началом зла, хотя его как такового в мире не существует, считает Филипп Пустынник, склоняясь к утверждению Псевдо-Дионисия Ареопагита, злом он называет отсутствие светлой духовной стороны бытия человека. После грехопадения Бог не отказывает человеку в бессмертной жизни. Смерть определяется не как место, а как сфера спасения, т.к. там человек удерживается от стремления к греху. Филипп Пустынник, обращаясь к изложению Священного Писания, цитирует Павла: «Насколько внешний наш человек истлевет, настолько внутренне больше обновляется» [Там же. С. 95]. Филипп Пустынник использует эти слова с целью осветить исторический путь человечества в качестве отхождения от земного и приближения к духовному обновлению. Он пишет: «По-настоящему человеком называется душа... больше правды в том, что мы внутренней жизнью живем» [Там же].

Умственная часть природы человеческой души у Филиппа Пустынника не подвластна законам исторического времени, она есть подобие Бога: «Во мгновение обходит он [ум] все и охватывает... представлением только мысленным» [Там же].

От весьма подробного описания свойств человека Филипп Пустынник постоянно направляется к трактовке движения человека в мире истории и за его пределами. Описывая нахождение душ праведников в вышнем мире до всеобщего воскресения, он сообщает, что, согласно Павлу, когда разрушится земное бытие человека, человек окажется «в доме нерукотворном на небесах от Бога, вечного и лучшего» [Там же. С. 99]. Говоря о человеческой надежде при расставании с

телом войти к Христу, он упоминает слова Григория Богослова о том, что когда наполнится вышний мир, можно ожидать окончания настоящего века. «Настоящий век» - это, по всей видимости, время последнего тысячелетия – седьмого от сотворения мира, по православному летоисчислению. «Праведники место на небе занимают и число восполняют, погибельно отпавшего ангельского множества во главе с первым из них – чтобы наполнился вышний мир» [Там же].

В настоящий момент, утверждает Филипп Пустынник, возносятся исключительно души спасенных, однако, по воскресении – взойдут и тела. Преображенная реальность также будет основываться на смешении духовного и телесного. Грешники останутся в аду, где нет света – духовного, доброго, благого – там исчезнет в человеке такая его характеристика, как духовность; в аду у человека будет отобрано его первоначальное благо – душа, данная ему при сотворении.

Будущее время у Филиппа Пустынника определяется в качестве «трепетного» времени незадолго «до конца»: во второе Христово пришествие каждый «воспримет» свое тело: «душа отойдет к телу, с которым незадолго до того рассталась, к брэнной плоти, чтобы войти в нее» [Там же. С. 101]. Душа увидит, что все земное окончилось, истлело. Душа «поневоле» соединится с телом. В этом «невольном» соединении произойдет не только воскресение, но и преображение: воскреснет человек первозданным Богом без расовых и прочих телесных признаков. Никакого выбора душа не совершает,¹ она подчиняется божественной воле и оказывается «во всем ином», где нет различия в полах и возрасте, ведомое только одному Богу. Иное – бессмертное, вечное живое и нетленное, но не нетелесное. «Все – словно ангелы Божьи» [Там же. С. 103]. Человек будет прославлен как прошедший путь восхождения «для воскресения жизни».

Филипп Пустынник говорит об этом будущем времени как будто в форме притчи и замечает, что притча – отнюдь не тождество. Он назидателен, он не пророчествует о том, что все совпадет, он интеллектуал своего времени. XI век написания «Диоптры» (с его расколом мира на православие и католичество в 1054 году) – это эпоха осознания накопленного опыта распространения христианской мысли: «С окончанием времени грешники останутся грешниками... в этой жизни все такое, какового в будущем ничего не будет» [Там же. С. 113].

Стараясь как можно точнее определить дату окончания мира, Филипп Пустынник не останавливается только на упоминании слов Григория Богослова. Говоря о знамении в будущем по божественной воле, он приводит высказывание другого отца церкви Афанасия Великого о том, что Богом дарована для праведников возможность познать, как «при общем и соборном воскресении быть друг с другом во веки веков» [Там же. С. 115]. Говоря о возможном познании того, что будет, Филипп Пустынник вновь углубляется в описание страшного

беспросветного существования грешников в аду, отлученных от праведников и лишенных какого-либо утешения. Праведно живущие в историческом времени люди отправятся с Богом и друг с другом в коллективное бытие, а грешники - в неблагоприятные дальние места, где они не будут узнавать друг друга, стыдась, что их узнают.

Филипп Пустынник считает, что духовное в человеке должно доминировать, т.к. ради души мир был создан и в будущем будет обновлен Богом: «Обновление тела – похвала душе» [Там же. С. 119]. Душа необходимо должна, по Филиппу Пустыннику, совершать путь от настоящего к будущему в сияющем красоте восхождении, отбросив земную историю, уходить по вертикали в вечность. Душа изменяется в историческом времени посредством веры, надежды и памяти, но в будущем душа не будет в них нуждаться: в преображенной реальности будет одна любовь.

При описании внешности людей, воскресших и привлеченных к неподкупному суду, Филиппа Пустынника волнует вопрос, окажется ли существующее сейчас тем, что ожидается. Рассуждая о настоящем моменте в жизни человека, он пытается объяснить, воскреснет ли человек или другой – его волнует двойственность природы человека, одна часть которой подвержена в настоящем тлению, а другая нет: «Если тело оживет так, как оно умерло, будет беда, значит, если не так, то другой восстанет вместо умершего, ведь не буду поистине «я», если не все будет у меня таким же, как в настоящей жизни» [Там же. С. 135].

Филипп Пустынник пишет: «Человеческое естество подобно потоку, от рождения к смерти течением приходящее и тогда лишь течь переставшее, когда и быть перестает. Течение это – не пространственное перемещение, т.к. из себя естество не выходит, но происходит путем изменения. Изменение – это изменение никогда на том же самом не останавливается, ибо как в тождестве пребудет изменяющееся?.. Течение нашей природы, всегда от ее изменчивости идущее и движущееся, лишь тогда останавливается, когда уходит из жизни. А пока в жизни пребывает, остановки не имеет, ибо или наполняется, или опорожняется, или и то и другое разом. Воскресение возведет наше тело к новой жизни, человек обратится в другого, то появится некий совершенно новый единый вид человека, в котором восстающему ничего не будет не доставать» [Там же. С. 135 - 137]. Новое существование уготовлено Богом для человека ради жизни, которая ждет человека там, где ему не нужно будет телесное, благодаря которому он существует в историческом времени.

В настоящем необходимо верить, считает Филипп Пустынник, в то, что история движется и неминуемо закончится всеобщим воскресением. «Истинное об этом слово в скрытых сокровищницах премудрости сохраняется и только тогда явным делается, когда мы на деле узнаем воскресения таинство, когда не нужны нам будут более слова для разъяснения нашей надежды... когда явится нам на опыте

ожидаемое» [Там же. С. 139]. Смысл исторического времени заложен в догмате о воскресении, о котором говорится в Библии для веры в воскресение как восстановление нашей природы в древнем виде.

История – это промежуток между вечностью и вечным. В прежней вечной жизни до сотворения не было ни старости, ни, соответственно, младенчества, ни бедствий, ни телесных страданий. Бог творил идеальное существование для Адама. До грехопадения, до устремления к злу, чем-то божественным была человеческая природа. Историческое время приходит вкупе со злом. В лишенной зла жизни закончится бытие «терпения». «Природа наша, став подверженной страстям, неизбежными последствиями была приведена к страдательной жизни, будучи же вновь возведена к бесстрастному блаженству, последствиям зла подверженной более не будет» [Там же. С. 139-140]. Так, вероятно, Филипп Пустынник определяет такие земные бездуховные действия людей, как: соитие, зачатие, рождение, нечистота, кормление грудью, принятие пищи, испускание семени, медленное к совершенству возрастание, юность, зрелость, старость, болезнь и смерть. В учении о воскресении после исторического движения жизнь предстает другая, чуждая текущему и преходящая житейского пребывания. Учение о воскресении призвано просветить человека, наставить его на путь Истины, как говорит Евангелие, чтобы «родился человек в мир» [Там же. С. 141], т.е. чтобы в земном познал он восхождение по вертикали к Божественным сферам бытия.

Филипп Пустынник растолковывает, что на Страшном Суде будет рассмотрена вся текучесть жизни человека: страдания, недуги, старость, возраст, юность, богатство, нищета – как то, в чем-то из этого побывав, человек достойно или дурно прошел отведенную ему историческим отрезком жизнь, много ли благ или несчастий получал, в течение долгого ли времени, или даже к началу всего этого не прикоснулся, в несовершенном возрасте с жизнью расставшись. Воскрешая естество человека, Бог приведет его обратно к вечности первоначально устроенного человека.

Целью Бога Филипп Пустынник объявляет достижение каждым человеком полноты. Бог предлагает всем причаститься к тем благам, которые он приготовил, но о которых сказано в Библии: «Ни оком не видно, ни слухом не воспринимаемо, ни помыслами не достижимо». Добро вечной жизни невозможно увидеть, услышать или помыслить, оно превзойдет все, что доступно человеку в историческом мире. Различие в добрых и злых делах настоящего истории будет лучше видно по тому, как, быстрее или медленнее, воспримут люди ожидаемое блаженство. «Врачеванием же души будет от зла очищение. Ибо мере привившегося каждому порока точно соответствует протяженность лечения. Безболезненно это не совершается» [Там же. С. 143].

Чтобы начать преодоление исторического времени, необходимо осознать предел собственной природы. Филипп Пустынник не сопоставляет

Божественную мощь с силой человеческих устремлений, т.к. человеческое постижение не вместит того, что возможно для Бога: «Выше нас превзойти Божью силу» [Там же]. Сравнивая семя как часть растения и само растение, Филипп Монотроп говорит о тварном превосходстве над божественной силой в будущем.

Сила Божественной мощи является критерием искусного преобразования одного в другое – таково «тайнство воскресения в его словах по чудесам» [Там же. 145]. «Божественная сила в превосходстве своего могущества не только то распавшееся тело снова тебе подаст, но и другое великое и прекрасное приложит, благодаря которому к большому великолепию наше естество снарядится» [Там же]. Историческое время приводит к вечному состоянию – в этом Филипп Пустынник видит его функциональное значение: сеется в тлении, восстает в нетлении, сеется в бесчестии, восстает во славе, сеется в немощи, восстает в силе, сеется тело душевное, восстает тело духовное – человеческое естество, оставив смертью все свои свойства, собою быть не перестает, но восходит к бессмертию, к чести, к славе, к совершенству во всем и к такому состоянию, при котором жизнь не зависит от физических свойств, но «к некоторому духовному и бесстрастному устроению переходит» [Там же].

Одним из свойств душевного тела Филипп Пустынник называет постоянное своего рода течение и движение из того состояния, в каком оно должно находиться, изменяясь, перелазиться в другое. Душа должна быть «ищущей и трудолюбивой». Душа, если желает постигнуть небесное, должна искать путь постижения небесной сферы бытия. «Блаженны те из произращенных воскресением, кому сразу совершенная красота колосьев воссияет» [Там же. С. 149].

В.В. Мильков пишет, что «основа послеэсхатологического вечного бытия в трактате «Диоптра» выражена в понятиях неоплатонизма» [Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 253]. Это вполне понятно, т.к. время создания «Душезрительного зеркала» в Византии проходило под знаком обращения к античной и эллинистической культуре, где неоплатоники ставили себе основной задачей поиск пути постижения Первоединого, т.е. божественной сферы бытия. Например, Ямвлих – позднейший из последователей неоплатонизма – стремился найти практический путь к божественному, разрабатывая теургену древнегреческих мифов.

Филипп Пустынник призывает к вере в тварное и нетленное: светопреставление не конец земного, а его преображение. В момент воскресения ранее распавшиеся душа и тело вновь соединятся и примут более совершенную, чем до смерти, телесную форму. После Страшного Суда телесная природа будет существовать уже преобразованной. Не только люди, но и земля и небо «переменяют свои свойства на лучшие», в результате чего все земное

избегнет смерти. Посредством обновления мира материальная сфера соединится с вечными божественными началами. «Разделенно-соединенная двуплановость бытия при этом сольется в единство в состоянии реального обожения» [Там же]. Земное, тленное в историческом времени, приобретает божественные свойства нетленности и вечности.

Г.М. Прохоров пишет: «В «Диоптре» нет исторического аспекта в описании бытия, нет сюжетов о творении мира, сцен из священной истории, нет внимания на быстро текущей, временной стороне тленного и движущегося к эсхатологическому завершению бытия, на спасительной миссии Христа в мире» [Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV – XV веков. Л., 1987. С. 16]. Этому находится объяснение только в том случае, если утверждать, что Филипп Пустынник говорит об индивидуальном пути постижения конечного момента исторического времени. У него не часто можно встретить описание коллективного бытия людей «друг с другом». Антропологический срез в историческом горизонтальном времени раздвигает это время, возводя вертикаль в онтологизированной концепции мироздания. Вертикальное время характеризуется преодолением исторического времени и постижением посредством духовного пути высших сфер без Страшного Суда и последующего за ним воздаяния. Филипп Пустынник говорит об историческом времени для всех людей, однако, допускает мысль о познании прорыва в вечное.

Исторический человек находится в единстве прошлого-настоящего-будущего. Напротив, Филипп Пустынник призывает прорваться сквозь горизонтальное историческое движение, воздвигнув вертикаль для подъема к Богу. Душа, по иноку Филиппу, «коснеет», застывает в историческом времени; посредством трудолюбия, преодолев осознание своего предела, душа в состоянии совершить восхождение к Богу, который «сам же в дому сидит, любя безмолвие» [Там же. С. 75].

Прошлое связывается с настоящим у Филиппа Пустынника через разрыв, разлом – грехопадение человека после его сотворения Богом. В «Диоптре» сказано, что в момент грехопадения пострадал не только человек, утратив свое первозданное состояние, произошли изменения в бытии в целом – в стихиях. Измененная природа должна окончиться «до жатвенаго времени, скончания, глаголю, мира» [Там же].

Настоящее связано с будущим посредством последовательного движения человека к Страшному Суду и воздаянию, ибо так описан путь человека в Библии. Инок Филипп говорит о свободном человеке, о самовластии человека, данном ему Богом, что заложено в его двойственной природе. «Самовластнии и словеснии создани бывше, еже аще хошет кождо из нас, избирает себе убо – или дело света, или же паки тьмы... аще благое избере, от горшаго рассудивъ, бывает присвоенъем и богъ и сынъ Вышняго» [Там же. С. 79].

Человек, согласно Филиппу Монотропу, неминуемо движется к окончанию исторического времени, которое состоит по окончании семи тысяч лет библейской истории от сотворения мира. Он приводит различные высказывания отцов церкви на этот счет, в точном сроке человеческого существования в земном состоянии он сомневается, однако, однозначно верит в завершение истории в грядущие времена. Подробно описывая исторический конец и воскресение из мертвых, Филипп Пустынник твердо уверен, что оно возможно только для праведников.

Преображенный мир откроется лишь праведникам в их коллективном существовании, в таком случае страдания грешников будут вечными и мучительными. Столь ярко и живописно Филипп Пустынник описывает грядущие «терпения» грешников в аду, что невольно приходишь к мысли о том, что подобная участь ожидает, согласно Божественной воле, большую часть общества – безнравственных и бездуховных людей. Страшный Суд в будущем и грядущее воздаяние – к этому движется греховный земной человек, по Филиппу Пустыннику.

Как можно преодолеть Божественный план, вырваться из единства прошлого-настоящего-будущего? Думается, Филипп Пустынник дает на этот вопрос свой ответ: от человека требуется «делательное любомудрие», чтобы воздвигнуть вертикальную линию в противовес горизонтальному историческому времени. Уже в настоящем это возможно, если «девствовати убо, вкупе и иночеством – еже низулгати и бдети, и постится, и дручити, еже страничствовати и зимой томится, и в пустынях быти, одеватися в рубища исполнена вши, еже церкви сзидати и подписовати их, и еже украшать тыя нескудне во всем – не бо повелевает ты сия Христос, но глаголет: моги убо, рече, вместити, да творит сия. Суть же и другая многа и подобна к сим кроме в сих суща предписанных уже, еже должен есть всяк верный творити же и делати, но убо нужнейшая – сия шестая суть» [Там же. С. 80 - 81].

В другом месте своего произведения «Диоптра» Филипп Пустынник заключает: «Деяние и видение – ими же всяк, кто к Богу присваивается и любим ему есть, является и показуется присный. Аз убо в дельное поспешествую ти точе, в видении же никак, твое бо се дело есть. Ты же, еже можеш, Душе, сие начни первое. Но убо прежде - дельное, потом же зрительное: никто же бо может прийти в видение отинюд, еще не прежде на дельный вступить степень» [Там же. С. 85]. Узреть Бога, пройдя вертикаль, можно, но сначала нужно многое сделать, о чем было сказано выше. Причем труд должен быть духовным: «Дерзай, душе... Покажи усердие. Встань!» [Там же. С. 86] – пишет Филипп Пустынник, приближаясь к финалу своего сочинения.

Филипп Пустынник, объясняя человека, пишет о его времени как состоящем из единства трех частей. Прошлое – это сочетание духовного и материального, «материальный мир становится причастен уму и свободе выбора, а

интеллектуальный – материи» [Там же. С. 86]. Грехопадение воздвигает пропасть между «чистым умом» Божественной сферы бытия и умом воплощенным – человеческим бытием. Так начинается Настоящее историческое время, в котором человек остается свободным, что он необходимо должен обратиться на материю, которая является объектом «делательного любомудрия» для прославления Создателя и самоосуществления ума и духовной сферы бытия.

Самоосуществляющийся в материальном ум – это и есть восхождение к Богу – сочетание несоединимого – преходящего с непреходящим. Огромное значение настоящему времени придает Филипп Пустынник. Взлет к небу, который может совершить человек, – это феноменальная способность человека, которую осуществить под силу не всякому человеку, а тому, кто дерзнет.

В будущем взлет праведников характеризуется их коллективным преображением, возвращением к вечности.

В настоящем, считает Филипп Пустынник, необходимо воспитывать в себе устремленность «вверх» – к непреходящему Добру, Бытию. Настоящее время является напряженной точкой отсчета по движению человека вверх, разрывая единство прошлого-настоящего-будущего исторического времени, чтобы причаститься к интеллектуальному, осваивая осевое время. В будущем, после смерти, «теряя плоть, душа теряет возможность деятельности, а значит, и возможность самоосуществления и самовыражения. Не проделывая [вертикального] пути [в настоящем] от бесконечно материального к бесконечно интеллектуальному, человек в этой мистерии времен никогда... не переходит в разряд существ безличных и бесплотных» [Там же. С. 87].

Традиция преодоления исторического времени, исходящая из противопоставления в христианстве временного и вечного, уходит своими корнями в языческий неоплатонизм. Языческое понимание пути соприкосновения земного с вечным напрямую сопрягается с циклическим временем бытийных сфер космоса, что отражено в идее вечного возвращения души. Основываясь на учении Платона, Плотин стремился восстановить «самую древнюю и самую наивную античную мифологию», где душа стремится воссоединиться с божественным. Византийский неоплатонизм в лице такого его представителя, как Филипп Пустынник с его сочинением «Диоптра», перерабатывает понимание древнегреческими мыслителями циклического времени в понятие линейного, принятого в церковной догматике. Путь преодоления временных уз найден им интуитивно, не выражен в ясном виде. Говоря об общем воскресении, он призывает индивидуальную человеческую душу вознестись сейчас из настоящего в вечность, поняв божественную суть. Антропологический взгляд на природу времени помогает Филиппу Пустыннику говорить об индивидуальном восхождении к небесным сферам. Однако отцами восточной церкви признавалось не индивидуальное спасение, а исключительно коллективное преображение реальности в конце времен.

Этим объясняется недоумение современников Филиппа Монотропа по отношению к форме его по Сократу диалогического произведения.² Филипп Пустынник связывает акт единения с божественной областью с единственным свободным актом человеческой души при выборе новой жизни в древнегреческом мифе о переселении душ.

Такие воззрения неоплатоников влияли на мышление русских книжников, которые мистическим путем пытались познать непостижимую для человека сферу божественной вечности; через Логос греков узреть человеческим видением божественную суть для объяснения направленности мировой истории.